

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В СТУДЕНЧЕСКОЙ АУДИТОРИИ

(На материале романа И. А. Гончарова «Обломов»)

БРАЖУК В., преподаватель,
Бэлцкий Государственный Университет

Изучение произведений словесного искусства на занятиях по литературе в ВУЗе должно быть строго научным, должно опираться на устоявшиеся, проверенные оценки литературных и языковых явлений и на лучшие достижения современного литературоведения и языкознания. В основе целостного изучения художественного текста лежит учёт постепенного углубления связей между восприятием произведения, его анализом и усвоением историко-литературных и теоретико-литературных сведений.

Интерпретация литературного произведения студентом происходит не только по законам логического мышления, главенствующего в научном истолковании текста, но и основывается на художественном мышлении и связана с формированием обобщённого и лично окрашенного образа текста. При этом студент должен понимать, что его личностное восприятие зависит от полноты, глубины и точности анализа текста, таким образом, художественное, эстетическое находится в неразрывной связи с научным, схематическим. Отсюда и цель анализа художественного произведения в студенческой аудитории –

создание читательской интерпретации текста и соотнесение её с научным исследованием текста, корректирование субъективных представлений читателя за счёт объективного смысла произведения, раскрытого литературоведением и языкознанием.

Так, например, самое распространённое субъективное мнение о главном герое романа И. А. Гончарова «Обломов» - это то, что Обломов лентяй, лежебока, персонаж скорее отрицательный, чем положительный. Действительно, можем найти оправдание данной точки зрения в романе, но это только поверхностный слой текста, то, что бросается в глаза сразу. Увидеть же текст целиком, обнаружить скрытые и подтекстовые смыслы помогает детальный анализ. При этом большей полноты и глубины анализа можно добиться, если использовать разные методы исследования, если опираться не только на соответствующие сведения из литературоведения, но и истории, языкознания, культурологии, математики, статистики, семиотики.

Роман И. А. Гончарова «Обломов» остаётся для читателя тайной, загадкой. Споры, возникшие с появлением романа, не угасают и по сей день. Начаты споры были статьями Н. А. Добролюбова и А. В. Дружинина, опубликованными в год выхода романа в свет. Добролюбов и его последователи видят в характерах и конфликтах романа смысл социальный, временный, преходящий. Дружинин же и его сторонники акцентируют внимание на общечеловеческом, вечном, сказочно-мифологическом, непреходящем смысле романа. Современные критики и исследователи пытаются уйти от крайностей и говорят о диалогичности гончаровского исторического и эстетического мышления. О синтезе мечтал и сам Гончаров, ожидая читателя, который «прочтёт между строками и, полюбив образы, свяжет их в одно целое».

Прежде всего автор (да и сам герой) стремятся внушить читателю мысль, что Обломов – это не «все». От начала и до конца романа герой противопоставлен массе, толпе, народонаселению, обществу; он является другим, не таким, как все. Так, гости, навещающие Обломова, «дышат жизнью и движением», «блещут здоровьем и весельем», в отличие от героя, мирно лежащего на диване; но на проверку оказывается, что их движения – пустое, бессмысленное времяпрепровождение. Гости зовут Обломова в Екатерингоф на гуляние. Главным аргументом в пользу того, что надо ехать, является формула «там все». Слово «все», самое частотное в данной главе, включает в себе некий знак общества с его интересами и потребностями. «Все!.. Они!.. Идёмте туда!.. К ним... Все так думают... Там обо всём говорят... Все

это носят... Нам нужно... Тут всё...» - «Первого мая в Екатерингофе не быть! Что вы, Илья Ильич! - с изумлением говорил Волков, - Да там все!» - «Ну, как все! Нет не все! - лениво заметил Обломов» [с.16]. Общество обезличено. Всё, что у общества вызывает интерес, для Обломова скучно и не приемлемо. Ещё одним доказательством обезличенности общества является неопределённость собственного имени у одного из знакомых Обломова: «Его многие называли Иваном Ивановичем, другие - Иваном Васильевичем, третьи Иваном Михайловичем. Фамилию его называли также различно: одни говорили, что он Иванов, другие звали Васильевым или Андреевым, третьи думали, что он Алексеев... Весь этот Алексеев, Васильев, Андреев, или как хотите, есть какой-то неполный безличный намёк на людскую массу, глухое отзвучие, неясный её отблеск» [с.32]. Исследователь Николина обращает внимание на «говорящие» фамилии чиновников в романе, что откровенно характеризует деятельность этих персонажей: фамилия Махов сближается с глаголом *подмахнуть*, фамилия Затёртый мотивируется глаголом *затереть* в значении «замять дело», а фамилия Вытягушин - устойчивым сочетанием *вытягивать душу*. Фамилия Пенкин ассоциируется не только со словом *пена* и *пениться*, но и фразеологизмами *снимать пенки* и *с пеной у рта*. Фамилия Мухояров сближается со словом *мухрыга* - «продувной обманщик и плут», а также напоминает о мельтешении мух.

Не случайно в монологах Обломова так часто встречается слово «человек», а в речах его гостей слово «все». Неприятие героем общества оттого и происходит, что общество обезличивает человека, превращает его во «всех».

В трёх романах Гончарова («Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв»), которые он считал одним романом, значительное место занимает со- и противопоставление двух типов героев: личности, склонной к индивидуально-творческому, но абстрактно-идеализированному восприятию мира, со стремлением к высокому, великому, изящному (А. Адуев, Обломов, Райский), и героя-прагматика, трезвого, делового, практичного (П. Адуев, Штольц, Тушин).

На этом же со- противопоставлении построены путевые очерки Гончарова «Фрегат "Паллада"», написанные во время кругосветного плавания как раз в те десять лет которые разделяют первую и последние части «Обломова».

«Фрегат "Паллада"» - своего рода повествование о всемирной жизни, с противостоящими в качестве главных персонажей буржуазным За-

падом и феодальным Востоком. Запад символизирует движение, жизнь-суету, существование в основе своей только материальное, бездуховное, бездушное, следовательно, чуждое подлинному «гуманитету» (Англия, Соединённые Штаты). Восток же – покой неподвижность, изолированность, замкнутость, сон, лень, апатию (Япония, Лакейские острова).

Восточный халат и мягкие туфли Обломова – значимые детали. Мотив всеобщей статики-застоя, круговорота-повтора, патриархально-идиллического уклада пронизывает зарисовки Мадеры, Японии и Обломовки. Мифологическая цикличность времени, символ круга прослеживается на уровне композиции романа, вписанной в годовой круг; на уровне архитектоники (последние строчки романа отсылают нас к началу истории); на уровне сюжета (конец жизни у Пшеницыной повторяет начало жизни в Обломовке); на уровне повтора имени и отчества (Илья Ильич) и на уровне фамилии героя (облый – круглый). Графически Обломовку можно изобразить в виде замкнутого круга, что также её сближает с островами Мадера и Япония.

Конфликт действительности и идеала вечен, вот почему образ Обломова близок к персонажам мировой литературы: Гамлет, Дон Кихот. Вот почему споры об Обломове будут всегда. Реалисты и практики будут его критиковать. Идеалисты и мечтатели – защищать. При этом и те и другие будут отталкиваться от текста романа «Обломов». Но только доказательства, основанные на анализе, будут свидетельствовать об адекватности и интерпретации литературно-художественного произведения.